

2. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 15.
3. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 19.
4. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 21.
5. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 28.
6. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 53.
7. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 54.
8. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 60.
9. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 70.
10. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 73.
11. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 75.
12. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 81.
13. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 89.
14. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 103.
15. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 94.
16. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 95.

¹⁷. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе/[Манаенков А.Л., Горелик Е.П., Маркова А.Ф. и др.]. – Мн.: Беларусь, 1983. – 756 с.

Дубик М.Г.
ПИСЬМА НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ С ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
1941–1944 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЙНЫ

В последние годы история повседневности становится одним из ведущих направлений в украинской историографии. На современном этапе представляется почти невозможным исследовать различные проблемы, связанные с историей общества, без привлечения методологических подходов истории повседневности и соответствующих источников. Основную роль в исследованиях повседневности играет наличие репрезентативной источниковой базы. Привлечение в качестве источников интервью с участниками событий, их мемуаров играет важную роль для характеристики повседневности периода Второй мировой войны. На наш взгляд, большой потенциал кроется в эпистолярных комплексах, которые разрабатываются как зарубежными, так и отечественными исследователями.

Эпистолярный период Второй мировой войны является одним из самых мощных источниковых массивов, которые позволяют исследовать повседневность существования человека в условиях фронта или тыла с точки зрения на повседневность как на смену стратегий поведения человека в зависимости от обстоятельств. Хотя влияние «антропологического поворота» на немецкую историографию и перенос внимания с изучения политических и социально-экономических структур на уровень отдельного человека и повседневности относят к 70-х годов XX века, внимание эпистолярному жанру как источнику индивидуальных представлений и перипетий судьбы уделялось на протяжении всего послевоенного времени, возможно, ранее оно было сосредоточено более на фактологических моментах, нежели на психологическом состоянии человека в изменившихся условиях.

Эпистолярный оккупантов периода 1941 – 1944 годов долгое время был почти недоступен для отечественных исследователей в силу разных причин. Единичные исследования лишь подчеркивают начальность усилий в осмыслении значения этого источника для истории оккупации и, в частности, истории повседневности оккупации. В Германии избранные письма солдат с восточного фронта с соответствующим содержанием публиковались еще в период войны для подтверждения преступлений врага и преступности сталинского режима. В послевоенное время вышло несколько сборников писем, одним из которых стала публикация в 1961 году в Мюнхене писем военного времени от обычных людей из разных государств, погибших в той войне. Не политики, не какие-то высокопоставленные лица, они рассуждали о судьбах своей родины и мира в целом. Среди других в данном издании было опубликовано письмо обычного немца, погибшего вскоре в России: «Действительно, уже далеко зашло, уже нет шансов найти разумные «человеческие» урегулиру-

рования наших политических и экономических проблем, однако всегда встает вопрос о смысле, исторической ценности этой войны, которая ведется вопреки всем ожиданиям последних 25 лет... Сегодня повсюду в мире делается попытка силой решать проблемы, назревшие в течение последнего столетия, которые требуют иного лечения, чем могут предоставить пушки, самолеты и ядовитый газ...» [2, S. 73]. Это лишь один из многих, но очень показательный пример осмысления обычным человеком событий в мире, проникновение в сущность военного конфликта между государствами.

Письма с фронта немецких солдат являются одним из источников, позволяющим, в зависимости от склонности автора письма рефлексировать и излагать свои мысли на бумаге, проследить изменение их настроений, представлений и предубеждений относительно целей и характера войны, повседневность существования в чужеродном пространстве и т.д. В течение Второй мировой войны только через немецкую почтовую службу прошло до 40 млрд. писем с фронта [10].

Отдельные коллекции писем публиковались в 1980 – 1990 годах, но наиболее известной стала публикация писем с фронта будущего писателя Генриха Болля в 2001 году [1]. В последующий период в Германии можно констатировать рост внимания к эпистолярному источнику – было опубликовано значительное количество отдельных сборников. На сегодняшний день библиография относительно немецкой полевой почты насчитывает более 300 позиций [5], как археографических публикаций, так и аналитического анализа переписки. На интернет-сайте Музея коммуникаций в Берлине, специально посвященном полевой почте Второй мировой войны, опубликовано более 1400 писем, доступных в режиме онлайн [6], данный проект предусматривает сотрудничество с исследователями с доступом к банку данных на более 100 тысяч документов, ведется дальнейшая работа по сбору и оцифровке частных собраний, отдельные коллекции насчитывают до тысячи писем от одного автора, написанных в течение войны.

Одна из руководителей данного проекта Катрин Киллиан опубликовала диссертацию и ряд статей, посвященных анализу фронтовой корреспонденции как особого источника по истории Второй мировой войны [7-10]. Письма полевой почты стали предметом дискуссии специальной международной конференции, которая прошла в Музее коммуникаций в Берлине в середине октября 2010 г. [13]. Тематика конференции была посвящена возможностям и границам использования этого источника в исследованиях войн.

Бум публикаций писем с фронта был вызван и развернувшейся в Германии дискуссией о преступлениях Вермахта во время Второй мировой войны. Умалчивание авторов писем о страшных подробностях их будней на фронте вызвало сомнения в ценности данного вида источника для исследования истории Второй мировой войны.

Само собой разумеется, что письма подвергались цензуре, и авторы знали об этом. Помимо этого, следует учитывать элементы самоцензуры, когда автор не хотел писать родным и близким обо всем, что с ним происходило. В любом случае данный тип источника субъективен и не претендует на достоверность освещения событий. Его основная ценность состоит в отображении психологического восприятия авторами повседневной жизни на фронте, их эмоционального состояния, предубеждений и иллюзий.

Проиллюстрировать значение данного источника для отечественной истории можно на примере писем немецких солдат, в которых они упоминают, например, о Витебске. Клаус Бекер, 1902 г.р., юрист по профессии и член НСДАП, рядовой, прошел в составе 320-го артиллерийского полка через Польшу, Белоруссию, Украину и Россию. 19 июля 1941 г. он писал своей жене: "...На нашем марше мы прошли через Витебск. Должно было бы быть около 200 тысяч жителей. По территории, может, это меньше, чем крупные города с таким количеством населения в Германии, потому что русские живут гораздо теснее, но он все же имеет значительную протяженность. В Витебске в настоящее время нет ни одного дома, который не был бы полностью разрушен или разорён. Деревянные постройки - такие преобладают также в городах России – все сожжены, стоит, как правило, только часть дымохода.

Если постройки из камня, то они выгорели, и только частично остались стоять обгорелые стены. Здесь война действительно проделала большую работу" [11]. Далее автор описывает сборный пункт военнопленных в Витебске: "Судьба пленных в первые дни страшна. На открытом пространстве были согнаны около 5 тысяч человек. Там они сидели целыми днями на корточках без укрытия, под ветром и непогодой, почти без еды и питья и без достаточной одежды. Между тем, стало очень холодно – конечно, если оценивать по времени года – у нас снова дожди. Некоторые пытались освободиться, иногда успешно, поскольку количество охранников крайне мало, при этом несколько пленных были убиты, иначе охранники не могут справиться, конечно. Снова и снова военнопленные транспортируются в тыл, насколько это позволяют транспортные возможности. Среди русских есть дичайшие типы. Поволжские немцы находятся отдельно, они должны, конечно, оставаться на сборном пункте, но особенно не охраняются, служат переводчиками и поддерживают охрану при надзоре" [11].

Даже почти через год военных действий Клаус Бекер вспоминал в письме от 27 апреля 1942 г., насколько он был потрясен состоянием Витебска. Описывая, как тяжело пострадал город в России, в котором он находился тогда, он подчёркивал: "Смоленск тоже так пострадал от войны, что едва только можно представить. Единственно в Витебске из всех крупных городов, которые здесь я видел, было ещё хуже. Там почти не осталось ни одного дома на левой стороне Даугавы" [12].

Ганс-Йоахим С., 1905 г.р., лейтенант 511-го полка армейской разведки, писал своей жене 21 июля 1941 г. из Витебска: "С каждым днём становится всё сложнее. Город на 160 тысяч человек превращён в огненное море. Русский сжигает всё, думая, что может нам так навредить. Из-за этого убивает себя сам. Нищета неопишуемая - «советский рай» - издевательство. Дороги невообразимые - 120 км за 48 часов. Все колодцы заражены или пусты. Водопроводные трубы, мосты - всё разрушено. Из-за этого наступление становится всё более тяжёлым. Несмотря на это, в целом хорошее настроение. Опыт чрезвычайный - вчера снова полыхал огонь, чтобы дать цель советским бомбардировщикам. Сегодня 300 расстреляны в качестве возмездия. Юнкеры неустрашимо мчатся на фронт, чтобы доставить оружие. Проезжали линию Сталина возле Полоцка, грязь по колено. Немецкие танки на дисковых минах взлетали на воздух, как игрушки. Много, очень много немецких могил. Хуже, чем во Франции. Всё беспрецедентно" [3].

В июне 1942 г. Ганс-Йоахим С. еще надеется на успешное завершение войны и считает, что будет гордиться впоследствии своим участием в войне против России. Он описывает свои чувства как внутреннее удовлетворение от хорошо сделанной настоящей солдатской работы. В этом же письме он пишет о своём сослуживце: "Гельмут все еще находится в Витебске, ведет там жизнь горожанина, с кино, казармой и театром. Да, и это тоже скоро закончится" [4]. Пройдёт совсем немного времени, и всё изменится.

Тем не менее, отрезвление вследствие реалий войны на советской территории можно наблюдать уже в письмах, написанных спустя два месяца после ее начала. Курт М., 1914 г.р., санитар 68 пехотной дивизии, писал жене 30 августа 1941 г.: "В такой войне, которая ведется здесь, человек кардинально меняется, и так сильно, что самое лучшее воспитание утрачивается. Здесь насильно воспитывается действительно полезный человек, судьбы гражданских совсем не интересуют, поскольку мы их совсем не воспринимаем. Руководству на родине так хорошо, что они вовсе не доходят до таких болезненных размышлений. Надо увидеть, как эти пастыри тосковали бы по своим домом, если бы они так сидели бы в этом тумане и пыли, как мы. [...] Мы здесь желаем всему миру мужчин, которые еще не участвовали в войне, только одну танковую атаку, когда не знаешь, хорошо ли завершится в этот раз, - это излечило бы на всю жизнь" [14].

Отражение в эпистолярной настроений военнслужащих Вермахта и их трансформация в ходе войны позволяет исследовать повседневность приспособлений авторов к быстрому течению событий и их реакции на них, соображения по поводу смысла войны и изменения представлений о враге, который казался сначала таким неполно-

ценным и бестолковым, но стал со временем безжалостной громадой, которая уничтожает всё на своем пути.

1. Böhl Heinrich. Briefe aus dem Krieg 1939-1945. 2 Bde. Nachwort von James H.Reid. – Köln, 2001.
2. Die Stimme des Menschen. Briefe und Aufzeichnungen aus der ganzen Welt 1939-1945. Gesammelt und herausgegeben von Hans Walter Bähr. – München, 1961.
3. Hans-Joachim S. an seine Frau am 21.07.1941 (3.2002.1214) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
4. Hans-Joachim S. an seine Frau am 25.06.1942 (3.2002.1214) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
5. <http://www.feldpost-archiv.de/05-literatur.shtml>
6. <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
7. Kilian Katrin. Das Medium Feldpost als Gegenstand interdisziplinärer Forschung. Archivlage, Forschungsstand und Aufbereitung der Quelle aus dem Zweiten Weltkrieg. – Dissertation. – Berlin, 2001.
8. Kilian Katrin. Der andere Krieg. Fragen an die Kriegsgeneration. Lebensdokumente aus der Zeit um den Zweiten Weltkrieg // www.eforum-zeitgeschichte.at/kilian.html
9. Kilian Katrin. Kriegsstimmungen. Emotionen einfacher Soldaten in Feldpostbriefen // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Bd. 9/2. – München, 2005. – S. 251-288.
10. Kilian Katrin. "Man stirbt nicht gern, wenn man 22 Jahre alt ist, aber ich war bereit..." Der Krieg in Russland 1941 bis 1945 im Spiegel deutscher Feldpostbriefe // www1.historisches-centrum.de/forum/kilian02-1.html
11. Klaus Becker an seine Ehefrau am 19.7.1941 (3.2002.0224) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
12. Klaus Becker an seine Ehefrau am 27.4.1942 (3.2002.0224) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
13. Konferenz "Schreiben im Krieg - Schreiben vom Krieg. Feldpost im Zeitalter der Weltkriege". Museum für Kommunikation Berlin, 13-15.09.2010. <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/termine/id=14321>
14. Kurt Marlow an seine Ehefrau am 30.08.1941 (3.2002.0884) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>

Краско Г.Г.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В советской и белорусской историографии различным проблемам Великой Отечественной войны и послевоенного периода на территории БССР посвящено значительное количество исследований самого разного уровня: от отдельных статей до диссертаций. Вместе с тем, до настоящего времени некоторые страницы отечественной истории остаются недостаточно изученными. Представляется, что к числу таковых можно отнести и деятельность на временно оккупированной территории БССР немецких специальных служб. Вместе с тем, проведенный анализ различных источников, архивных материалов показал, что после того, как на оккупированной в результате наступления войск вермахта летом 1941 г. территории Белорусской ССР немецкие власти установили оккупационный режим и новое административно-территориальное деление, поддерживать «новый порядок» предполагалось не только с помощью вооруженных сил. Оккупанты рассчитывали на активное участие местного населения, набираемого на службу оккупационными властями, а также на целый ряд немецких специальных служб и их агентов, вербуемых из числа советских граждан. На спецслужбы фашистской Германии и их агентуру возлагалось, в первую очередь, решение задач по выявлению партизан и членов их семей, граждан, оказывавших помощь советским патриотам, коммунистам, комсомольцам, советского актива, евреев, а также иных лиц, представлявших даже потенциальную угрозу для оккупационных властей.

Следует отметить, что активную вербовочную работу в западных регионах Советского Союза фашистская Германия начала проводить еще перед началом военных действий. Так, в 1940 г. общее количество выявленной на территории СССР немецкой агентуры по сравнению с 1939 г. увеличилось в четыре раза [1, с. 103]. В 1940 – начале 1941 гг. советскими органами государственной безопасности было выявлено 66 резидентур немецкой разведки и разоблачено более 1600 агентов, из которых около 1400 – в западных районах Советского Союза [2, с. 138].

В целом, в период оккупации БССР вербовочный контингент формировался немецкими спецслужбами, как правило, за счет военнопленных Красной Армии, граждан, обремененных советской властью и их родственников, лиц, негативно относившихся к советской политической системе, инициативно предлагавших свои услуги оккупационным властям.